

Фазиль Абдулжалилов

СЕМЬЯ СИЛЬНЫХ
ПОВЕСТЬ

Перевод с ногойского

I

По небу медленно плыли темносерые, рваные, как куски шерсти, облака. Внизу пенилась белая мга. Время от времени в ярогалину облаков украдкой проглядывало солнце и тогда седая от снега земля светилась туманно-тусклым блеском. Далеко справа, там, где тянулась тонкая нить Кубани, виднелись хаты притаившегося под горою аула. Виктору Диденко казалось, что и угрюмые облака, и плывущее сквозь них солнце, и спрятавшийся под горою аул смотрели на него неприветливо, с какой-то ранящей сердце укоризной. «Эх, ты... прохлопал машину. Как же это вышло, а? Ну? Молчишь? Ле-е-етчик! Филин! — вот кто ты...» — издевался он над собою, спускаясь на парашюте.

Виктора сбили, примерно, в сорока километрах от линии фронта. Теперь он спускался на территорию, занятую противником. Правда, места эти были глухими. Немцев тут водилось мало. Однако тыл остается тылом. Что ожидало его впереди? Какие придется терпеть ему лишения? На это трудно было ответить. Да и думать об этом не стоило. «Надо пробиться к своим. Во что бы то ни стало! Но если уж положение будет безвыходным, то немцы дорого заплатят за мою жизнь...»

Мягкий толчок... Виктор, почувствовав острую боль в правой ноге, тихо вскрикнул и рухнул, уткнувшись лицом в снег. Через минуту, когда боль немного утихла, он перевернулся на спину и, опираясь на локти, сел. Унты ниже колена были разорваны и нога была выпачкана кровью. Пуля попала ему в икру. Виктор, стиснув зубы, медленным и осторожным движением освободил себя от лямок. Так же осторожно разулся и, развернув байковые портянки, кое-как перевязал ими рану. После этого, ползком добрался до парашюта. Превозмогая боль, собрал его и тут же зарыл в снег. Потом он сел, вытер рукавом пот. Вокруг лежала безмолвная степь. Порывистый ветер кружил снежную пыль. В стороне виднелся, сиротливо прижавшийся к снежной земле, одинокий домик. «Полевой стан», — произнес он вслух. И бросив прощальный взгляд на место, где был зарыт парашют, пополз в сторону заброшенного стана.

II

На левом берегу Кубани, у самого подножия небольшой горы, лежит, занесенный снегом аул. Тихо в ауле. Только зимний ветер гуляет по его пустым и мертвым улицам. Белым вихрем бросается он то в один, то в другой конец аула, распахивает ворота и калитки, врывается в пустые дворы и, обшарив все углы, вдруг неистово начинает стучать в двери, дергать за ставни, выть в трубах, будто его злит угрюмая молчаливость притаившихся в хатах людей. Но люди еще плотнее закрывают двери, ничто, кажется, не может их вывести из тяжелого раздумья.

Молчалив и угрюм и старый Батал. Он сидит на низкой табуретке около печки в своей маленькой хате, пугливо прижавшейся к южной окраине аула. Его лысая голова низко опущена, глаза полузакрыты, сухие, жилистые пальцы медленно мнут кончик седой, пушистой бороды.

Вдруг дверь с шумом открылась и в хату вбежал, окутанный густым белым паром холода Харун, четырнадцатилетний внук Батала.

— Атай, атай!¹⁾ — обратился он к старику, едва переводя дыхание.

Батал медленно, как бы нехотя, поднял голову и, грустно посмотрев на юношу, тихо спросил:

— Что, мой мальчик?

¹⁾ Атай — дедушка.

— Там, в степи упал наш самолет!

— Не кричи, безумный! — сдавленно выговорил Батал и, тяжело поднявшись, подошел к внуку, продолжавшему стоять у двери. — Разве ты уже забыл, что Баймурза еще ходит по нашей земле?

Старик отвел Харуна к топчану.

— Ну, что там случилось, мой мальчик? — другим, мягким голосом спросил он, когда они сели.

Харун шумно вздохнул и, захлебываясь от неулешего еще волнения, начал свой рассказ:

— Мы с Асхадом, сыном Мазана, были на Кубани. Бурана еще не было. Вдруг слышим — гул. Смотрим — над нами идет самолет. Я его сразу узнал. Это был наш самолет... Мотор его тяжело стучал... Он был подбит.

— Так-так...

— Он шел туда, где сейчас наши. У-ай, атай, если бы ты видел, как мы махали ему нашими шапками. Знаешь, он, наверно, заметил нас...

Батал с нежностью посмотрел на внука.

— Да, да, атай, — продолжал тот проникновенно, — потому что он стал вот так, вот так перекачиваться с крыла на крыло. Как ты думаешь, атай, мог он заметить нас, а?

— Конечно, мог, сынок, — улыбнулся старик.

— И вот он стал удаляться от нас и вдруг, не знаю откуда он только взялся, на него напал немецкий обуркус¹⁾ и...

— И... что, сынок?

— Он... сбил его, — закончил Харун, до шопота понизив голос и по-взрослому глубоко вздохнул.

— Да? — нахмурился Батал.

— Да, атай. Он сбил его, — повторил тихо Харун. — Я видел, как за самолетом тянулся длинный, черный-черный хвост дыма. Ох, атай, как мне жаль его, как жаль.

Сказав это, Харун опустил голову. Старик и его внук минутку помолчали.

— Да... жаль, жаль, — произнес потом огорченно Батал. — Но, что поделаешь? Без этого войны не бывает, сынок.

— Атай, — заговорил вдруг Харун, блеснув маленькими черными глазами, — и ты очень жалеешь летчика?

— Ох-хо-хо, — вздохнул Батал и, немного помолчав, добавил: — Как же, мой мальчик, не жалеть его, он ведь наш, родной. Род-ной. Да, сынок, война, война... — сказал он и сделал попытку встать.

— Подожди, атай, — остановил его внук, схватив обеими руками за локоть, — выслушай меня...

— Что еще скажешь, мой мальчик?

Харун глянул на дверь, словно желая знать, не подслушивает ли кто-нибудь там, и затем повернулся к старику:

— Знаешь, атай, — сказал он с видом человека, собирающегося сообщить величайшую тайну.

— Нет, сынок, — ответил Батал и вопросительно посмотрел на внука.

Харун еще раз глянул на дверь и потом, припав к уху старика, таинственно прошептал:

— А летчик жив...

— Что ты сказал? — не поверил своим ушам старик.

— Летчик жив, жив, атай, — повторил тот, расширив глаза.

— Но разве не ты сказал, что самолет сгорел? Как же выходит, что летчик жив?

¹⁾ Обуркус — сыч (буквально птица-обжора).

— А парашют?
— Что парашют? — не понял Батал.
— Ты разве не знаешь, что у летчиков есть такой большой белый зонт, на котором они спасаются, когда сбивают их самолеты...

— Ах, да — парашют, — произнес Батал, водя ладонью по лбу. — Слышал, слышал про такое. И что же, сынок, он на этом зонте что ли спасся?

— Да. Он спустился на парашюте. Мы с Асхадом хорошо это видели через Мусса-джилгу.¹⁾

— Это очень хорошо, очень хорошо, что он жив, — старик провел ладонями по щекам и бороде. — Где же он сел?

— За Мусса-джилгой. Я думаю, что он сел недалеко от стана нашей бригады.

— Так-так... А может быть, сынок, это не наш самолет, а...

— Нет, атай, наш, наш, — живо перебил его Харун. — Я наших узнаю сразу и этот маленький самолет часто летает в наших местах. А потом тот немецкий обуркус низко пролетел над нами и мы видели кресты на его крыльях.

Батал задумчиво сдвинул брови. Пальцы медленно потянулись к кончику бороды. Его губы что-то шептали.

Харун тихо отошел от топчана и опустился на пол около печки.

О чем думал старик? О поруганной ли варварами родной земле? О своем ли единственном сыне Асане, который с первых дней войны ушел защищать Родину, и известий о котором давно не имел Батал? Или, может быть, старик вспомнил свою кроткую, тихую, как вода озера, старуху? Месяц тому назад ее застрелил пьяный немецкий ефрейтор за то, что она не могла говорить с ним на его лающем языке. Может быть, душу старого Батала давила свинцовая тяжесть досады за судьбу русского летчика, находящегося на своей земле, вблизи от своих советских людей, но вынужденного где-то скрываться?

Харун время от времени, насупившись, поглядывал на старика. Ему не терпелось скорее узнать мнение своего дедушки. Что касается его самого, то он принял твердое решение еще когда со всех ног несся домой, чтобы сообщить старику о случившемся. Однако он не решался оторвать Батала от его дум.

Так прошло минут пять. Харун, которому надоело томительное ожидание, боязливо покашливал, чтобы вывести Батала из глубокого раздумья. Но старик, словно окаменел.

Наконец, Харун не выдержал.

— Ну, что будем делать, атай? — спросил он, боясь своего голоса.

— Что же нам делать, мой мальчик? — не сразу ответил старик.

В голосе Батала звучало глубокое страдание. Но в глазах его Харун прочел готовность помочь летчику. Молодой Харун понял душевное состояние своего дедушки. Он порывисто опустился на колени перед ним.

— Знаешь, атай, — страстным шопотом заговорил он, — немцев ведь в нашем ауле нет. Нет их и в соседних двух аулах. Они сидят в районе. А сколько километров до района?

— Около тридцати, сынок.

— Вот. Это далеко. Потом ты ведь знаешь, что они страшно боятся холода.

— Это верно, мой мальчик. С холодом они не в ладу.

— Разве они в такой буран пойдут искать летчика? Смотри, что делается на дворе...

Батал и Харун прильнули к окну.

На дворе, свистя голыми ветками черных акаций, бесновалась метель.

— Да, сынок, — произнес Батал, поглаживая бороду, когда они, отвернувшись от окна, снова сели, — эта погода не для немцев.

¹⁾ Мусса-джилга — местное название балки.

— Вот. Они, наверно, и не знают про летчика, — добавил Харун.

Старик минутку помолчал и потом вдруг спросил:

— Все это верно, сынок, но что бы ты хотел сделать, а?

Харун, не ожидавший такого вопроса, растерянно заерзал на топчане, но, уловив на себе добродушно улыбающиеся глаза Батала, решительно прошептал:

— Летчика, атай, надо спасти!

Лицо старого Батала озарилось улыбкой. Он поднялся и трясущимися руками обнял Харуна.

— Ты радуешь своего старика! Ты настоящий джигит, мой мальчик, — сказал он, дрожащим от волнения голосом и поцеловал внука в лоб.

— Но, мой джигит, — добавил Батал, выпуская Харуна из своих объятий, — ты должен знать, что это очень опасное дело, что...

— Знаю, знаю, атай, — перебил его с жаром тот. — Но летчик ведь наш, это и ты сказал. Нет, нет, я не боюсь, атай...

— Молодец, молодец, сынок, — сказал Батал, хлопая внука по плечу. — Вот плохо только, что это видел и твой Асхад...

— У-у-у, атай, ты его не бойся. Я с ним договорился, он никому об этом не скажет. А разве два старших брата Асхада не воюют против немцев? Разве сам Мазан не советский человек?

— Верно, верно, сынок. Мазан хороший человек и Асхад умный мальчик. Но ты все же хорошо сделал, что договорился с ним. А теперь, мой мальчик, собирайся. Мы пойдем искать нашего летчика. Мы спасем его, это наш долг, сынок.

Харун слышал, как радостно забилося его сердце.

— Атай, атай, а может быть, это наш Асан? — спросил он, подскочив к Баталу.

— Глупый ты, мой ребенок, — ответил старик. — Разве ты уже забыл, что твой отец не летчик, а танкист. Танки ведь не летают...

— Может он с танка пересел на самолёт? — не сдавался Харун.

— Может все может быть, — согласился Батал — Ну будет, сынок, собирайся, собирайся...

III

Виктор с трудом вполз в полевой стан и, здоровой ногой закрыв за собою дверь, лег на спину. Кружилась голова, тупой болью ныла рана, во всем теле стояла какая-то клонящая ко сну усталость. «С-пать, с-пать, с-пать» — стучало в висках. «Нель-зя нель-зя, нель-зя» - протестовал разум. Чтобы разогнать одолевающий тело сон, он сгреб с груди пригоршню снега и протер им лицо.

После небольшого отдыха Виктор приподнял голову и осмотрел внутренность стана. Комната была низкой, квадратной с сырыми стенами, с таким же сырым, кое-где обвалившимся потолком, одним маленьким окном. Печи не было. На полу под окном валялась куча, почерневшей от времени, соломы Виктор иодполз к ней и, кое-как разбросав ее, тут же лег, вытянувшись вдоль стены, головою к двери.

Он решил пробыть здесь до вечера, а с наступлением темноты добраться до аула, который он видел спускаясь на парашюте. Он надеялся найти там временное пристанище. Но как быть сейчас? Могут нагрянуть немцы. Виктор еще раз осмотрел помещение. Немцы могут ворваться сюда через дверь или окно. Поэтому Виктор нашел разумным устроиться именно под окном откуда можно наблюдать и за дверью. Как бы завершая подготовку к обороне, он вынул пистолет и тщательно проверил его. Оружие работало отлично. В обойме оказалось шесть патронов «Шесть штук. Хорошо», - произнес он вслух и вложил пистолет обратно в кобуру.

После этого он взялся за перевязку раны.

Прошло около трех часов. Вдруг чуткий слух Виктора Диденко, сквозь шум разыгравшегося на дворе бурана, уловил неясные обрывки отдаленного человеческого голоса. Забыв о раненой ноге, он быстро приподнялся и припал к окну. Что такое?! Направляясь к стану, плохо различимые в снежной пыли, шли какие-то люди. Через каждые несколько шагов они останавливались, один из них, махая рукою, произносил какие-то слова, но из-за шума ветра ничего нельзя было разобрать. Виктор приказав груди взведенный пистолет и затаив дыхание, весь превратился в слух. «Э-э-э, та-та-та-та...» — только и мог он уловить. «Что за чертовщина», — произнес он и еще больше напряг слух.

...В голове молниеносно возникали одно предположение за другим. Радость, появившаяся на миг при виде этих, непохожих на немцев, людей, сменилась тревожным подозрением: а вдруг ловушка?

Люди уже подходили к стану. Теперь они были хорошо видны. Один из них большой, а другой маленький, наверно, мальчик. Вот они остановились и, обменявшись между собою какими-то словами, решительно зашагали к стану.

Через минуту Виктор услышал приглушенный мальчишеский голос:

— Эй, товарищ, если ты тут, то не надо молчать. Дай нам свой голос.

Диденко радостно встрепенулся. Его обрадовало услышанное им слово. Товарищ! Какая громадная сила жизни в этом слове? Как оно дорого и близко сердцу, сколько в нем надежды...

Но Виктор не ответил им.

Через некоторое время люди заговорили снова:

— Товарищ! Если ты там, то нас не бойся, мы свои люди.

Виктор решил отозваться.

— Кто вы такие? — строго спросил он.

— Ай, я слышу тебя, — ответил ему сухой старческий голос, — ты жив остался. Товарищ, мы пришли из аула помочь тебе. Стрелять на нас не думай. Мы зайдем к тебе. Можно?

— Кто вы такие? — повторил Виктор, еще больше повысив тон.

— Мы колхозник, колхозник. Плохо на нас не думай. Оружия у нас нету, наша рука гола и душа чиста, — ответил тот же старческий голос.

Диденко тихо опустил на солому, сунул пистолет в карман полушубка и, разрешив им зайти, приготовился к встрече незнакомцев.

Тихо открылась дверь, и в стан, друг за другом, зашли два человека. Диденко быстро окинул их взглядом. Перед ним стоял высокий, худощавый, чуть сутуловатый, с длинной белой бородой старик. А рядом с ним подросток с узкими, очень подвижными глазами, круглолицый, скуластый, с чуть вздернутым кверху, маленьким носом. Оба они были в лохматых черных шапках, старых шубах.

— Здравсте, — произнес старик, став перед Виктором и чуть поклонился ему. Молодой тоже сказал «здравствуй».

— Здравствуйте, — ответил Диденко. — Ну, товарищи колхозники, что скажете хорошего? — спросил потом он, с любопытством рассматривая их.

— Мы пришли из аула, хотим помочь тебе, — спокойно ответил старик, так же с любопытством рассматривая летчика.

— А откуда вы узнали, что я нахожусь здесь? — спросил Виктор, еще не совсем доверяясь им.

— Откуда узнали? Вот это — мой внук. Он видел, как твой самолет упал и сказал мне. Мы думали, думали и прямо пришли сюда. Вот и нашли тебя, — ответил старик, чуть улыбнувшись.

— Та-а-ак... А почему вы решили помочь мне? — Виктор устремил на старика пронизывающий взгляд.

— Как почему? — удивился старик, выдержав взгляд летчика. — Разве ты не советский человек?

— Ну, скажем, так.

— Мы тоже советские люди, — сказал старик, приложив руку к сердцу, — а раз это так, то душа у нас одна, потому мы и пришли сюда.

— Но из-за меня тебя могут повесить. Ты разве не боишься этого? — с нарочитой резкостью сказал летчик.

Старик покачал головой.

— Не-ет, товарищ, плохо думать не надо, не надо плохо думать.

— Вот как. Ну, садитесь, товарищи, вот сюда, — пригласил Виктор и показал на солому около себя.

Старик и его молодой спутник сели.

— Ну, а как насчет немцев? Как вы с ними тут? — спросил Диденко, когда те сели.

Старик порывисто приподнялся на колени и обиженно произнес:

— Зачем такой неправильный вопрос ты говоришь: «как вы с ними?» Мы разве с немцами?

— Не обижайся отец, — сказал улыбнувшись, Виктор, — я хотел спросить — много ли в вашем селе немцев.

— Это другое дело. — Старик погладил бороду. — Нет, в нашем ауле немцев нету. Есть два полица. Еще есть Баймурза. Он большая собака.

— Кто это Баймурза?

— Баймурза? Это в нашем ауле староста. Плохой человек. Наша земля не любит его ногу. Но ты не бойся. Я все сделаю хорошо.

Виктор, чуть прищутив глаза, пристально посмотрел на старика и, тоном, в котором явно звучало недоверие, спросил:

— А не попаду ли я в лапы этого самого Баймурзы, а?

— Что? Попасть в лапы Баймурза? — старик нахмурил брови.

Виктор продолжал пристально смотреть ему в глаза.

— Я вижу ты не веришь? Зачем старику делаешь обиду. Старый Батал бесчестье не позволит. Мой сын, вот его отец, — Батал показал на внука, — тоже на фронт пошел. Он тоже, как ты немца бьет. А кто убил мою старуху? Немецкая собака. Я уже старый человек. Моя борода белая, как снег. Что скажут люди, что скажет душа моей старухи, если я такой старый человек грязным обманом залью свою чистую бороду? Нет, сын, такую плохую думку не надо на сердце держать.

В тоне, каким говорил старик, было столько искренности, что трудно было не поверить ему.

Диденко, выслушав старика, мягко улыбнулся и дружески протянул ему руку.

— Обиделся, обиделся... Не надо, старина, не надо. Будем знакомы, меня зовут Виктор.

Старик и его внук радостно пожали руку летчика.

— Меня зовут Батал, Батал, — торопливо говорил старик, — а это мой внук, его зовут Харун.

— Рад, очень рад... Ну простите, добрые люди, если чем оскорбил вас, — ответил Виктор, поняв, что перед ним свои, советские люди.

— Ничего, ничего, товарищ, мы не обижаемся...

— Спасибо вам, товарищи, спасибо, — горячо поблагодарил их Виктор.

Харун счастливо улыбнулся, а Батал ответил:

— Зачем спасибо? Спасибо не надо, мы выполняем свой долг. Тебе надо спасибо сказать. Ты воевал за народ, за меня, за внука моего. Вот за это тебе спасибо, сынок. Вдруг, словно спохватившись, он спросил: но ты ранен товарищ!

— Да, ранен в ногу, но...

— Сильно? — забеспокоился, молчавший до этого, Харун.

— Нет, пустяки, — успокоил его Виктор. Хотя нога и продолжала ныть, но словно желая замять этот разговор, он спросил деловым тоном:

— Ну, что дальше будем делать, друзья?

— Как что? — поднял брови старик. — Мы возьмем тебя домой. Будешь наш гость. Мой дом — твой дом.

— В село?

— Да, в аул, — ответил Батал.

— Пойдем, Виктор, пойдем к нам, — добавил Харун.

— А, далеко до аула?

— Шесть километров будет, — ответил старик.

— Порядком...

— Мы поможем тебе, — сказал Батал и, вдруг, заторопился. — Товарищ, здесь много сидеть не надо, скорее домой надо. Уже темно и буран большой. Это хорошо, буран наш хороший товарищ, он закроет наш след. Пойдем, дорогой, — заключил он и, поднявшись, нагнулся над Виктором.

Поднялся и Харун.

— Ну, что же, пойдем отец, — ответил Диденко, собираясь встать.

Батал и Харун подхватили его под руки.

IV

Сегодня из района, в сопровождении двух солдат, в аул приехал лейтенант эсэсовских войск Ганс Ричке. Немец был чем-то обеспокоен. Он даже не заехал к старосте, а направился прямо в сельскую управу.

За последнее время немцы заметно изменились. Прежней их подчеркнутой спеси, чванства и высокомерия уже не было. Но словно чуя неминуемую гибель, они действовали с озлобленной жестокостью.

— Собери людей, — приказал Ричке старосте.

— Куда прикажете собрать, господин лейтенант, — угодливо спросил тот.

— В школу. Собрать всех. Ясно?

— Ясно, — ответил староста, собираясь исполнить приказание.

— Только побыстрее. У меня времени мало.

— Сейчас, господин лейтенант, — сказал староста и выбежал из кабинета.

Через час жители аула — старики, женщины и дети были согнаны в просторное помещение сельской школы.

В глубине класса за длинным, ветхим столом, молчаливо сидел Ричке бледнолицый, с мутно-голубыми глазами. Слева от него облокотившись на стол, стоял хмурый, чем-то недовольный староста.

Баймурза Уразалиев — так звали старосту — родился и вырос в этом ауле. Отец его, Батыр Уразалиев, был одним из богачей аула. Он умер, когда Баймурзе исполнилось двадцать семь лет. Старый Батыр оставил после себя нажитое неправдой огромное богатство.

И, лишь только был похоронен отец, Баймурза, к удивлению своих односельчан, женился на богатой вдове своего двоюродного брата и, приобщив ее немалое состояние к своему, с большим рвением стал вести хозяйственные дела. Баймурза, подобно отцу, был жадным и скупым человеком. У него было много батраков и в ауле он славился жестоким обращением с ними. За мизерную оплату они трудились в поте лица день и ночь, еще больше увеличивая его богатство.

Когда после революции стали создаваться крестьянские комитеты общественной взаимопомощи и первые товарищества по совместной обработке земли, хитрый и рассудительный кулак начал постепенно сокращать свое, чрезмерно раздувшееся хозяйство, сплавляя на сторону скот, зерно, сельскохозяйственный инвентарь и другое

имущество. К тому времени, когда начали появляться первые сельскохозяйственные артели, Уразалиев называл себя середняком.

Кулак нутром чувствовал, что рождающиеся колхозы несут ему неизбежную гибель. Поэтому он, со всей яростью смертельного врага советской власти, вел бешеную агитацию против колхозов. Баймурза убеждал крестьян резать скот, прятать зерно, пугал их небылицами о колхозной жизни. «Готовьте своих жен и сестер к обобществлению. Скоро коммунисты привезут из города большущее одеяло, под которым будем спать всем аулом...» — говаривал он им с усмешкой.

Но это была злоба бессильного. Кулак чувствовал, как с каждым днем все больше уходит из-под его ног почва. Тем злее он становился. Все чаще и чаще Баймурза стал думать о том, чтобы от слов перейти к делу.

Однажды в областной газете Уразалиев прочитал заметку. В ней разоблачалась его антисоветская агитация. «Сволочи!» — выдавил из себя со злобой кулак, прочитав эту заметку и, скомкав газету, бросил ее в печку. А через неделю появилась другая, еще более язвительная статья.

Тогда Баймурза Уразалиев сказал: «хватит!» и решил действовать...

Вскоре аул был потрясен зверским убийством секретаря местной комсомольской ячейки Магомета Алиева. Его зарезали ночью подкупленные Баймурзой бандиты.

Баймурзу Уразалиева и его сообщников судила выездная сессия областного суда. Их приговорили к расстрелу, но потом высшую меру Баймурзе заменили десятью годами тюремного заключения.

Судьба этого кулака с тех пор никого больше в ауле не интересовала. Он был забыт.

* * *

В один из знойных дней августа 1942 года в аул ворвались немцы. На третий день после их вступления жители аула увидели на улице незнакомого человека, с густой черной бородой. А еще через день из района приехал немецкий офицер — ээсовец. Он созвал сход и представил чернобородого старостой.

Это был Баймурза Уразалиев.

Бывший кулак, с помощью немцев, забрал свой, когда-то конфискованный у него большой дом, под железной крышей, пригнал из колхозной фермы скот, в домах фронтовиков отобрал лучшую мебель и свез в свой дом.

Однако Баймурза жил тревожной, беспокойной жизнью. Колхозники, по молчаливому сговору, далеко обходили его дом, словно там водилась чума, избегали встречи с ним, неохотно вступали в разговор, с раздражающей медлительностью исполняли его распоряжения. Баймурза чувствовал, как ненавидят его жители аула. Он попробовал грубостью и угрозой подчинить себе непокорных людей. Народ на это ответил проявлением еще большей ненависти. Тогда Баймурза изменил тактику. Он стал заискивать, прикидываться безвинно обиженным, кротким, добродушным. Но и этим он вызывал у колхозников только чувство брезгливости. Баймурза бесновался, выдавая в руки немцев неугодных ему советских людей.

Вот сейчас он стоит, облокотившись на стол, рядом с немецким офицером. В его огромной фигуре, с круглой головой на короткой шее, с немигающе уставившимися в одну точку глазами, было что-то жабье.

Офицер, повернувшись к старосте, что-то сказал ему. Баймурза подобострастно кивнул немцу головой и быстро выпрямился.

— Все собрались? — крикнул он.

— Все...

— Пора начинать...

— Давай скорее... — разноголосо отозвались люди.

Староста поднял руку:

— Тише! Не галдите, как бараны в вечернюю пору.

— Тут не бараны, а люди, — ответил ему кто-то из задних рядов.

— Джамагат!¹⁾ — начал Баймурза, сделав вид, что не расслышал язвительных слов. — Я вас собрал сюда по приказанию нашего господина лейтенанта. Он приехал из района и сейчас скажет очень важное слово. Я, как староста аула, требую от вас, джамагат, внимательно слушать его.

Ричке медленно и важно вытянулся из-за стола. Мутно-голубыми глазами обвел притихших людей.

— Я буду краток, — начал он. — Надеюсь, что вы поймете меня. Несколько дней тому назад, примерно в шести — семи километрах от вашего села, был сбит советский самолет. Самолет сгорел. Но мы располагаем достоверными сведениями, что большевистский летчик спасся на парашюте и скрылся на территории нашего района. Командование немецких войск требует вашего содействия. Командование немецких войск назначило награду в тысячу рублей. Получит их тот, кто укажет нам местонахождение советского летчика. — Ричке сделал паузу. — Одновременно предупреждаю, — продолжал он, — если этот разбойник будет обнаружен у кого-либо из местных жителей, укрыватели будут повешены как враги нового порядка. Великая Германия приказывает.

— Поняли, джамагат? — спросил Баймурза, когда немец сел.

— Поняли, — неохотно прогудел класс.

— Все ясно...

Когда стих шум, староста сказал:

— Но понимать, джамагат, мало. Господин лейтенант требует поймать этого большевистского летчика. Приказ надо выполнить. К тому же летчик может причинить много бед нам и нашим семьям...

— Это почему же? — с деланным испугом спросил Мазан.

— Почему? Потому, что он большевик, — ответил староста, расширив глаза. — Боль-ше-вик! — со злобой повторил он.

— Но, мы-то что плохого сделали ему, что он будет причинять нам беду? — возразил Мазан и лукавые искорки загорелись в его глазах.

Баймурза понял намек хитрого старика и, еще больше озлобясь, ответил:

— Ты хорошо, Мазан, знаешь, что большевики не разбираются в том, кто виноват, кто не виноват...

Мазан, чуть скривив рот, отвернулся, как бы говоря: «Ври, ври, знаем мы вас...»

— Так вот, джамагат, — обратился староста к классу, — я говорю, что этот летчик опасный человек. Тысяча рублей за него не зря немцами обещана. Не тяните, джамагат, а дайте слово лейтенанту, что поможете поймать этого летчика...

Сказав это, Баймурза испытующе обвел присутствующих взглядом. Его встретили злые глаза нахмурившихся колхозников.

Староста поежился, как от холодного ветра.

— Кто желает говорить? — спросил он, не глядя на односельчан.

Класс ответил молчанием.

— Кто хочет говорить? — повторил староста.

Тогда из передних рядов вышел толстый, коротконогий мужчина, с белой повязкой выше локтя.

— Мне можно? — нерешительно спросил он.

— Говори, — буркнул Баймурза, недовольный тем, что начинает не кто-либо другой, а полицейский Темей.

Темей поочередно посмотрел на молчаливо сидевшего офицера, надувшегося, как индюк, старосту, насмешливо уставившихся на него людей и, пискливым, как скрип старой двери, голосом начал:

¹⁾ Джамагат — здесь в значении граждане.

— Джамагат! Что тут много говорить. Я думаю, что все ясно, как день. Господин офицер сказал нам, что сбит ихний то есть, я хотел сказать сбит советский летчик...

— Темей скажет, — с иронией бросил, сидевший позади Мазана, Халид, — давай, давай Темей.

Толстяк гордо задрал голову:

— А что, думаешь, не скажу? И скажу. Так вот, это самое, как его...

Темей запнулся, словно в его горле застрял комок.

Некоторые из присутствующих тихо засмеялись.

— Тише! — вмешался староста. — Ну, давай, говори, — бросил он полицейскому.

— Давай, давай Темей, — цоддержал его со смехом кто-то из задних рядов.

Полицейский, окончательно растерявшись, заморгал воспаленными глазами.

— Ну, что, Темей, — слушаем тебя, — сказал Мазан с серьезностью, за которой скрывался презрительный смех.

— Молчи хоть ты, старый чорт! — зашикал на него староста, которого душила злоба.

Тут поднялся Ричке. Класс притих. Немец с минуту презрительно прищуренными глазами молча осматривал людей.

— Правда, я не понимаю вашего тра-ла-ла, — начал он сдержанно, — но по ходу собрания вижу, что некоторые из присутствующих здесь очень дурно ведут себя. Нам, конечно, легко моментально удалить эту дурость, но мы терпеливы, как и подобает победителям. Однако терпению бывает предел. Я предостерегаю: с нами шутки плохи. Вам, господин староста, — повернулся он к Баймурзе, — надо навести порядок в вверенном вам селе.

— Наведу, господин лейтенант, — услужливо ответил староста.

— Будем говорить о деле, которое интересует нас, — продолжал Ричке, обращаясь опять к классу. — Надо ценить время. Продолжайте вашу речь, — бросил он Темею, стоявшему около стола.

— Я уже все сказал, — отказался полицейский и отошел от стола.

Ричке смерил Темею уничтожающим взглядом и, нервно подергивая плечами, сел на свое место.

— Кто еще хочет говорить? — спросил староста, неодобрительно косясь на толстяка.

В классе все молчали...

— Ну, кто хочет говорить?

Снова класс ответил молчанием.

Ричке нервно барабанил пальцами по столу. Староста нахмурился, как пасмурный день, и вобрал голову в плечи.

Через минуту Баймурза, медленно вытянул шею и упавшим голосом повторил:

— Нет, что ли желающих?

— Не-е-ет, — отозвался класс дружно, словно он такого вопроса и ожидал.

Тогда Баймурза нерешительно нагнулся к Ричке и боязливо спросил:

— Господин лейтенант, вы еще будете говорить?

— Нет! — последовал резкий ответ.

Баймурза, не зная, что делать, провел ладонью по лбу, нервно потерев кончик бороды и снова нагнулся к немцу.

— Тогда, разрешите закрыть собрание, — едва слышно пробормотал он.

— Закрывай! — раздраженно бросил Ричке.

— Джамагат! — сказал Баймурза, устремив в одну точку помутневшие от злобы и бессилия глаза. — Хорошенько подумайте над Чем, что сказал нам здесь лейтенант. Если кто будет иметь какие-либо сведения о летчике, то немедленно сообщите мне, а я передам куда следует. Поняли?

Колхозники ответили молчанием.

— Поняли, я спрашиваю?! — почти закричал староста.

— По-о-няли, — неохотно ответили несколько голосов

— Вопросы какие есть?

— Не-е-ет...

— Если нет, то можете разойтись по домам.

Люди, облегченно вздыхая, поспешно покинули школу. Через час уехал и Ричке.

V

Проходил четвертый день, как Виктор стал жить у Батала. Тогда домой они пришли около полуночи. Добравшись до хаты, старик крепко закрыл ставни и дверь и, часа два занимался Виктором. С помощью Харуна он раздел его, хорошенько обмыл и перевязал рану, напоил густым горячим калмыцким чаем и уложил спать в своей комнате. С наступлением следующей ночи Батал перевел Виктора в маленькую комнатку, которая разделяла две другие комнаты в хате и служила кладовой. Он одел его во все гражданское, а военное обмундирование надежно спрятал.

С рассвета до глубокой ночи Виктор сидел под замком, который снимался только на короткое время, когда летчику передавалась пища. Но погружался в сон аул и в крохотной комнатке появлялся старик с молодым внуком, чтобы час-другой посидеть около летчика, передать ему аульные новости, послушать его рассказы о войне, о славной Красной Армии, о мудром вожде и великом полководце Сталине.

Так шло время. Но вот прошло собрание. Немцы ищут Виктора. Это, конечно, плохо. Но ничего. Батал найдет выход. Он отведет от летчика беду. Прежде всего этой же ночью он переведет Виктора в погреб, который находится позади хаты, под стогом сена. В былое время старик хранил в нем картофель и другие продукты. Теперь он пуст. Правда, там будет холодно, но зато безопаснее. А дальше можно будет еще что-нибудь придумать.

Когда Батал, думая об этом, подходил к своей хате, в противоположном конце аула шли, разговаривая, два полицейских. Высокий, худой, черный Доси шагал неторопливо, но размашисто, а низкорослый, похожий на туго набитый соломой мешок, Темей, семенил как утка.

— Как ты думаешь, Доси, — спросил толстяк, задрав голову, — что можно купить за тысячу рублей?

— Четыре литра крепкой араки, - не задумываясь ответил тот.

— Я тоже так думал. Но, мне кажется что легче будет эту тысячу урвать у какого-нибудь Исса или там Азамата, чем напасть на след этого летчика, — вздохнул Темей.

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что у нас народ какой-то не такой... — ответил толстяк, искоса посмотрев на Доси.

— Какой это не такой?

— Я правду говорю. Видел, как они встретили офицера?

— Офицера не знаю, а тебя как будто не плохо встретили,— поддел его, усмехаясь, Доси.

— Ну, хотя бы меня, — пробурчал толстяк недовольно и, вдруг затряс кулаком. — Но я им покажу!

— Что, Темей, покажешь? — равнодушно спросил тот думая о чем-то другом.

— Я заставлю их надеть на обе ноги один сапог...

— Ха-ха-ха, — прогремел Доси, — вот это здорово. Еще что покажешь, Темей?

— Ты не смейся. Клянусь головою, заставлю! Какое они имели право смеяться надо мною? Я хоть и маленький, но опора власти. О-по-ра, понимаешь?

— Хватит, хватит, друг. Это ты успеешь сделать. Вот найти бы того летчика, который стоит дороже твоих обидчиков. Ты-ся- ча! Вот это другое дело, — сказал Доси и щелкнул пальцами.

— Слушай, Доси, ты говоришь, словно знаешь где летчик,— удивился Темей, семена за другом.

— Я еще не знаю где он есть. Но кто сказал, что мы не можем попытаться найти его. Речь ведь идет не о пустяках, а о тысяче рублей. Тысяча! Понимаешь ты это или нет?

— Я-то понимаю, Доси, и рад бы их получить, но...

— Что но? — рассердился Доси.

— Да где ты его найдешь? Видишь какой у нас народ...

— Народ, народ... Что мне твой народ? Надо быть хитрым как лиса, иметь хороший слух и нюх и еще голову на плечах.

— Ты, кажется, прав, чорт возьми, — согласился Темей. — Может быть, он скрывается в нашем ауле, а?

— Этого я не сказал пока...

— Пока?

— Да, по-ка.

— А потом?

— Там видно будет. Не может быть, чтобы никто ничего не знал. Я этому не верю.

— Но не скажут ведь, — высказал опять сомнение Темей

Доси поочередно показал на уши, нос и голову:

— Слух, нюх и го-ло-ва... Понял Темей?

— Понял, понял, — пробормотал толстяк, в душе завидовавший хитрости Доси. Может быть, и в самом деле посчастливится нам отхватить тысячку.

Тут они дошли до ворот хаты Доси и остановились.

— Счастливо оставаться, а вечером я зайду к тебе, поговорим еще, — сказал Темей, пожимая широкую сухую ладонь Доси.

— Заходи, заходи, Темей,

Хозяин направился в дом, а толстяк, хрустя сухим снегом по-утиному зашагал дальше по улице.

Ночью, когда мертвую тишину аула нарушал только редкий лай пугливых собак, Батал зашел к Виктору.

— Добрая ночь, сынок, — сказал он тихо, присаживаясь у изголовья летчика.

— Здравствуй, здравствуй, отец! Как Харун? Что нового? — осведомился Виктор, приподнимаясь на кровати.

Старик снял с головы шапку, положил ее на колено, провел рукою по лысине.

— Харун ничего. Но есть, сынок, немного нехорошая новость.

— Какая, отец? — насторожился Виктор.

— Сегодня днем было собрание, — сказал старик, немного помолчав. — Из района приехал немецкий офицер. Этот офицер сказал слово про тебя...

— Про меня?!

— Да.

— Что же он сказал? Расскажи, отец, подробно, — Виктор сел и, обхватив руками колени, приготовился слушать.

— Ты, сынок, осторожно, а то нога будет болеть, — предупредил его Батал.

— Ничего, ничего, рана уже заживает. Ну, что он сказал? — нетерпеливо спросил Диденко еще раз.

— Он сказал, — ответил Батал, нагнувшись к нему, — что немецкая команда знает о советском летчике, который куда-нибудь схоронился. Он требовал выдать ему этого летчика. Еще он сказал, что тыщу рублей будет давать человеку, который скажет, где находится этот летчик...

— Тысячу рублей, говоришь? — нахмурился Виктор. — Ну, а люди? Что люди сказали?

— Ничего, сынок, не сказали, все молчали. Они не знают, а если узнают тоже не скажут. Наш народ — золотой народ. Ты не бойся, ничего дурного народ тебе не сделает, сынок, — ответил старик, приглушая свет сильно горевшей лампы.

— За себя я не боюсь, отец. Я боюсь за тебя, за Харуна, за весь ваш аул. Они ведь могут из-за меня и людей, и аул уничтожить...

— Нет, нет, этого не будет, не надо плохо думать. Но перейти тебе в другое место надо, тут опасно.

— Правильно, отец. А куда?

— Там, за хатой, — сказал Батал, надевая шапку, — есть у меня хороший погреб. Вот туда я тебя положу, сынок.

— Хорошо, это будет лучше, — ответил Виктор. — Еще несколько дней и я могу тронуться в путь...

— Нет, сынок, — возразил старик, покачав головой. Когда йога совсем здорова будет, тогда посмотрим. Может, скоро Красная Армия придет.

— Скажи-ка, отец, — спросил Виктор, понизив голос, — кроме тебя и Харуна, кто еще знает, что я нахожусь здесь?

— Никто, сынок, никто. Ты будь спокоен, — ответил Батал.

— Хорошо, хорошо, — сказал Виктор, а сам подумал: «какой добрый, славный старик Батал...»

В ту же ночь Виктор переменял место. Он вселился в хорошо отделанный изнутри погреб. Батал из досок соорудил топчан, застелил его толстым слоем душистого сена, стену над топчаном завесил войлоком, дал Виктору большую подушку, теплое одеяло, гулуп своего сына. Можно было приспособить и чугунок, но нашли, что это опасно.

Так началась подземная жизнь Виктора Диденко.

* * *

После утреннего чая к Баталу зашел его сосед Мазан. Это был такой же седобородый, как и Батал, старик и так же как и Батал пользовался большим почетом среди аульчан. Несмотря на свои семьдесят лет Мазан сохранил живость в движениях, отличался бодростью, не пропускал случая посмеяться и посмешить людей неожиданными остротами. Аульчане в шутку называли его «радио», потому что раньше других он узнавал все новости, от его наблюдательных глаз ничего не ускользало. Мазан любил говорить какими-то интригующими человека намеками, о себе говорил в третьем лице.

— Дому твоему счастье, Батал, — сказал он, зайдя в жарко натопленную хату.

— Твоему тоже. Проходи Мазан, садись, — ответил хозяин.

— Спасибо. Как жизнь, сосед?

— Какая жизнь — ты не хуже меня знаешь, Мазан. Садись вот сюда.

— Жарко у тебя, Батал, — сказал Мазан, опускаясь на табуретку у стола.

— Старые кости тепло любят, сосед, вот и топлю, — ответил Батал, запихивая в печку куски кизяка.

— Да, старые стали, старые, Батал. Что-то Харуна не вижу?

— Наверно, к Бекиру пошел.

Батал подсел к столу. Старики минут пять поговорили о том, о сем.

— Батал, — сказал вдруг, меняя тон, его сосед. — Я, Мазан, принес тебе одну штучку.

— Какую? — удивился хозяин.

Мазан, лукаво подмигивая, полез за пазуху и достал оттуда маленький сверток.

— Вот эту, — ответил он, протянув сверток, ничего не понимающему Баталу.

— Что это такое? — спросил хозяин, недоуменно принимая сверток.

— Возьми, возьми, не бойся.

Батал молча развернул сверток и, увидев его содержимое, растерянно уставился на Мазана.

— Что так смотришь на меня? Или я не похож на Мазана? — улыбнулся тот.
— Если мои глаза не ослепли, Мазан, то ты мне даешь две пачки дорогих папирос?
— Твои глаза не ошибаются, Батал.
— Но ты ведь знаешь, что я сроду не курил, — еще больше удивился хозяин.
— Знаю.
— Если знаешь, то зачем даешь их мне? На что они мне нужны? Не понимаю.
— Ну, если ты не куришь, то отдашь их другому, — спокойно ответил Мазан.
— Кому это другому? Разве Харуну? Но я знаю и он не курит.
— Тогда покурит их третий.
— Мазан, кажется, у тебя на старости лет голова стала работать плохо. Кто это третий? — прищурив глаза, поддался вперед Батал.

Мазан лукаво улыбнулся.

— Ну? — нетерпеливо спросил хозяин.

Мазан вытянул шею и с расстановкой прошептал:

— Лет-чик!

— Что-о-о?! — приподнялся Батал. Папиросы выпали из свертка.

— Не волнуйся, Батал, — спокойно сказал сосед и, подняв папиросы, сунул их под подушку. — Садись и выслушай меня...

Взволнованный Батал опустил на табуретку. «Асхад... Харун... Они, они проболтались...» — сверлили его мозг мысли подозрения.

— Батал, — раздался спокойный, певучий голос Мазана, - мы уже старики, наши волосы на голове и наши бороды уже побелели, как снег на дворе и не сегодня мы знаем друг друга. Не нам скрывать друг от друга наши секреты. Мне известно...

— Что, что тебе известно? — перебил, взявший себя в руки, Батал.

— Хвалю тебя за чистоту твоей души, Батал, — продолжал спокойно сосед, не обращая внимания на вопрос хозяина, - но мне до слез обидно, что ты скрывал и продолжаешь скрывать от старого Мазана свой секрет. Или я уже не Мазан для тебя? Или, может быть, ты думаешь, что моя душа покорила врагу? Тогда на, возьми мое сердце и спроси его. Если ты забыл, то оно напомнит тебе — кто такой старый Мазан...

— Я тебя не понимаю, Мазан. Никакого летчика я не знаю, — ответил Батал. Он резко поднялся и, заложив руки за спину, стал перед своим соседом.

— Э-э-э, брось, брось, Батал, — подмигнул тот и погрозил ему указательным пальцем. — Лучше подумай о своей белой бороде. Борода ведь не любит человека, говорящего неправду. А?

— Борода, борода, — рассердился Батал. — У тебя тоже есть борода, белая, как ты говоришь, но позволяет ли она тебе заниматься нехорошим делом?

— Каким это нехорошим делом? — сдерживая себя, спросил сосед.

Батал чуть нагнулся к нему и со злобой прошептал:

— Я вижу, Мазан, что в твоём кармане гуляет ветер. Тебе не терпится скорее набить их деньгами. Так иди к Баймурзе!

— Как ты сказал?! — вскочил Мазан, дрожа всем телом.

— Да, да, так и сказал: иди к Баймурзе. Иди, иди и скажи, что русский летчик у Батала, он дает тебе и деньги и...

— Как тебе не стыдно, Батал? — сдавленным шопотом проговорил сосед, постучав концом палки о пол. — За кого ты считаешь Мазана? Да известно ли тебе, что старый Мазан скорее даст себе отрезать голову, чем сделать подлость, о которой ты думаешь...

Батал, словно закончивший тяжелую работу, устало опустился на табуретку.

— Ты, кажется, забыл мое прошлое, Батал, — продолжал стоя Мазан. — Если ты в прошлом гнул спину у баев, то и я гнул ее. Ты это хорошо знаешь. Если тебе дорога советская власть, то она также дорога и мне. Советская власть — твоя, но также и моя душа, она наша надежда и радость. Если эту власть защищает у тебя один сын, то у меня

ее защищают двое. Ты и это хорошо знаешь. Да есть ли у тебя намыс,¹⁾ что так дурно думаешь про старого Мазана?

— Хватит, хватит, Мазан, — сказал едва слышно Батал. — Прости, я, может, действительно немного погорячился.

— Ничего себе «немного», — покачал укоризненно головой сосед. — От такого «немного» Мазан мог за одну ночь постареть еще на семьдесят лет.

Батал виновато улыбнулся.

— Ладно, ладно, Мазан, прости старого дурака, садись и успокойся, — еще раз извинился хозяин, — Ты прав сосед, прав, я незаслуженно оскорбил тебя. Но откуда, Мазан, ты узнал об этом?

— Откуда я узнал? Видишь ли, Батал, ты хоть старый и умный человек, но иногда бываешь неосторожен. Теперь люди любопытны и наблюдательны. Уже несколько раз заметили свет в твоей хате поздней ночью. А вчера один человек видел, как ты и твой внук возились у погреба за хатой и заперли там какого-то человека...

Что ты говоришь, Мазан? — побледнел Батал.

Мазан не врет. Но твое счастье, и счастье нашего кунака, что этим человеком был Мазан.

— Ты?! Правду ли говоришь добрый сосед? — радостно поднялся Батал и, взяв его руки в свои, сердечно потряс.

— Зачем Мазану говорить неправду? — ответил тот, улыбаясь.

— А я было думал, что ты узнал от Асхада...

— От кого?

— От Асхада, говорю.

— Какого это еще Асхада? — поднял брови Мазан.

— Я говорю о твоём сыне.

— Не понимаю. При чем тут мой сын Асхад?

— Значит, он ничего тебе не говорил?

— Ничего... А что такое?

— Да он же все знает...

— Что ты говоришь? — удивился отец Асхада.

— Да, да, он все знает, — повторил Батал.

— Вот паршивец, а? — покачал головой Мазан и, разглаживая усы, добавил: — и ничего ведь мне не сказал.

— Видишь ли, Мазан, — пояснил хозяин, — он дал Харуну честное слово. За это его надо только хвалить. Не всякий умеет держать язык за зубами.

— Ты прав, Асхад — сын Мазана, — не без гордости произнес тот. — Ладно. Ну, а как летчик? А?

— Летчик чувствует себя неплохо, — улыбнулся Батал. — Он был ранен в ногу, но рана уже заживает, сейчас чувствует себя хорошо...

Батал коротко рассказал соседу, как с помощью своего знука привел с полевого стана к себе домой летчика.

— Молодец ты, Батал, — сказал Мазан, выслушав его рассказ. — Хорошо ты сделал. А насчет наших он не рассказывал, а?

— Как же, говорил, говорил. В другой раз все расскажу. Мазан, — ответил хозяин.

— Хорошо, хорошо. Только вот что, Батал...

— Что?

— Остерегайся Доси, — сказал Мазан, нахмутив брови. — Этот чорт вчера поздно вечером прошел около твоей хаты, а сегодня на рассвете еще раз появлялся. У него нюх собачий. Недаром его отец в царское время служил в полиции.

— Ах ты, джинов род! — выругался Батал.

¹⁾Намыс — совесть.

— Да, да. Именно джинов род! — поддержал его сосед.

Они некоторое время помолчали.

— Но, Мазан, — прервал молчание Батал, — и я советую тебе не ходить сюда. Ты ведь на плохом счету у этого Баймурзы.

— Ты дело говоришь, — согласился Мазан.

— Если что надо, то действуй через Асхада, - добавил хозяин. — Это будет безопаснее.

— Хорошо, Батал. Я пойду, — сказал его сосед и поднялся. — А папиросы вон под подушкой, ты их передай ему и мой салам¹⁾ тоже передай. Я эти папиросы хранил на дне нашего, большого сундука. Хотел ими угостить сыновей, когда они вернутся домой. Но чем не сын мне этот русский летчик? Папиросы хорошие. «Наша марка» называются

— Передам, Мазан, передам...

— Ну, счастливо оставаться, Батал.

— В добрый путь, - ответил хозяин, провожая соседа.

На улице Мазану встретился Доси, в путь добрый, - заставил себя Мазан вступить в разговор с полицейским.

— Алейкум салам, спасибо, — ответил Доси.

— Куда, Доси, направился?

— К Слепому Янбеку. Хочу купить табаку.

— Разве Слепой Янбек продает табак? - хитро споосил Мазан, хорошо знавший, что тот этим не занимается.

— Не знаю, Мазан, но мне сказали, что он продает табак, — ответил полицейский, отводя в сторону глаза.

На этом они разошлись. Через несколько шагов Мазан оглянулся и увидел тоже оглянувшегося Доси. «Собака» — процедил сквозь зубы Мазан, продолжая шагать.

Полицейский дошел до хаты Слепого Янбека. С минуту он постоял и, когда увидел, что Мазан зашел к себе во двор медленно зашагал назад. Он шел, бросая как бы случайные взгляды в сторону хаты Батала. Там было тихо. Только широкоголовая, как шляпа подсолнечника, труба выбрасывала пучки серовато-черного дыма. За двором Мазана полицейский свернул в узкий переулок и прошел, так же бросая изучающие взгляды, мимо хат Халида, Каплана, Рамазана, Мурата, мимо хат всех тех, кто числился у него в особом списке. Ничего подозрительного не обнаружив, он вернулся назад и по главной улице направился в сторону полицейской управы.

Управа помещалась в бывшем здании сельского совета. В небольшой комнате стояло два стола, застланные темносиним потертым сукном, по бокам стола теснилось несколько стульев. Все три окна были завешены длинными, доходившими до пола шторами.

Баймурза сидел в кресле за столом и рылся в каких-то бумагах. На нем была, обтянутая тяжелым серебряным поясом, шуба с темносиним кашемировым верхом, широкая, отдававшая тусклым блеском, каракулевая шапка и белые валенки в новых галошах.

— Войдите, — сказал он, услышав стук в дверь, и поднял голову. Зашел полицейский Доси.

— Ну, что узнал? — спросил староста, поднимаясь из-за стола.

— Ничего нового, — ответил, гундося, полицейский. — Мазан был у Батала, Халид сидит у Мазана, а Каплана и Рамазана не видел.

— Та-ак, — сказал Баймурза и подошел вплотную к полицаяу. — Вот что Доси. Это молчаливое хождение по пустым улицам ничего нам не даст. Знай, Доси, что если этот летчик окажется в нашем ауле, и, не дай бог, об этом узнают немцы раньше нас, мы с тобой пропали. Когда же ты мне скажешь точно: тут летчик или нет? У тебя, Доси, не

¹⁾ Салам — привет.

— голова, а тыква. Мне приходится думать за тебя. Слушай: нашим помощником должна сделаться ночь. Понимаешь?

— Не совсем.

— Ну садись, я сейчас тебе это растолкую, — сказал староста и, когда полицейский сел, Баймурза, заговорщически понизив голос, продолжал:

— Слушай, глупая башка. Надо устроить засаду, провести ночь во дворе у человека, на которого падало наше подозрение. Понимаешь, незаметно пробраться во двор и спрятаться в сарае, под забором, в канаве или в другом месте и всю ночь вести наблюдение. Если день ничего нам не дает, то ночь может много раскрыть. Теперь понял, Доси?

— Понял, Баймурза, — ответил полицейский и подобострастно улыбнулся.

— Во-от... На первый случай мы возьмем кого-нибудь из самых подозрительных. Это Мазан, Батал, Халид и Каплан, а с Рамазаном и Муратом пока подождем. Тебе придется взять хитрого Мазана и этого домоседа Батала, а теми двумя займется Темей. Ясно?

— Ясно.

— Так вот, если ясно, то действуй. Начни прямо с Мазана. Только смотри, Доси, делай это умело, особенно будь осторожен с этим чортом Мазаном, — предупредил полицейского староста.

— О – о-о, за меня не беспокойся, Баймурза, — ответил тот самоуверенно. — Я старый волк и сумею спрятать свое большое тело лучше маленького воробья.

— Ну вот, ступай. Да найди Темея и пришли его ко мне.

— Хорошо, — ответил полицейский и, медленно поднявшись, направился к выходу.

* * *

Мазан, прежде чем направиться к Баталу, о своих наблюдениях и подозрениях рассказал Халкду. Халид до оккупации работал бригадиром полеводческой бригады и доводился Мазану родственником по отцовской линии. Однако, когда Мазан решил открыть ему свою тайну, им руководили не эти стороны дела. Старик хорошо знал, что Халид, кроме всего этого является одним из самых честных, заслуживающих любого доверия, людей.

Халид, выслушав рассказ старика, проникся чувством глубокого уважения к Баталу, совершившему такой благородный поступок и посоветовал Мазану сходить к Баталу, чтобы точнее узнать не нуждается ли он в какой-либо помощи. Мазан принял совет Халида и направился к соседу. И теперь, когда он, вернувшись, зашел в хату, Халид с нетерпением бросился к нему с вопросом:

— Ну, как?

— Ничего, — ответил тот, ставя свою палку в угол.

— Как ничего?

— Он у него, — сообщил хозяин.

— Правда?!

— Что ты кричишь, как безумный? Мазан еще не оглох.

— Ну, правду ли ты сказал, Мазан? — уже тихо спросил его Халид.

— Зачем Мазану говорить неправду? — ответил старик, опускаясь на табуретку.

— Расскажи скорее, как он, что он? — попросил Халид и подсел к столу.

— Что тебе рассказать, Халид? — начал старик, медленно разглаживая усы. —

Летчик уже четвертый день находится у Батала...

— Ай Батал, ай Батал...

— Он ранен...

— Что ты говоришь? — с тревогой спросил Халид.

— Ты не перебивай, а слушай, — заметил сдержанно Мазан.

— Хорошо, хорошо, не буду, — ответил тот, чуть смутившись.

— Он ранен, — начал снова свой рассказ хозяин, — но Батал сказал, что рана уже заживает, чувствует летчик себя хорошо. Папиросы я передал, но чуть не подрался со стариком...

— Почему?

— Да, видно, испугался он, признаваться никак не хотел и страшно ругался.

— Ай Батал, ай Батал. Ну, не молодец ли он, а? — восхищенно произнес Халид. — А как насчет новостей, ничего он не сказал?

— Я летчика самого не видел, да это и невозможно днем, но Батал обещал кое-что рассказать. Только вот одно плохо...

— Что, Мазан?

— Опять видел эту собаку.

— Доси, что ли?

— Да. Встретил на улице, когда шел домой. Табак, говорит, у Слепото Янбека хочу купить. Врет, собака. Вынюхивает, как лиса.

— Вот сволочь! — выдавил из себя Халид.

— Слушай, Халид, я Баталу про тебя ничего не сказал.

Пусть пока думает, что знаю только я, а то еще расстроится, он очень недоверчивый старик, — предупредил Мазан своего гостя и, немного помолчав, добавил: — Теперь ты сходи к кузнецу Мамаю, возьми у него несколько гвоздей и крепко приколоть свой язык к нёбу. Понял, Халид?

— Понял, понял, — засмеялся Халид.

— Про летчика, кроме одного Рамазана, никому ни слова, ни жене, ни матери. Вот, когда узнаем новости, тогда будем потихоньку передавать людям, не говоря откуда они идут. Ясно?

— Яснее ясного, Мазан, — уверил тот.

— Предупреди и Рамазана насчет языка.

— Хорошо.

— Теперь вот что, Халид: не вздумай ходить к Баталу и как можно меньше ходи ко мне. Так надо. Если что, то я пришлю к тебе моего Асхада, доверься ему, как и мне. А сейчас иди домой. Хотя подожди, — сказал он, тут же прильнув к окну, — смотри, вон идет черный шайтан...¹⁾

По улице размашисто шел Доси. Он то и дело посматривал в сторону хаты Мазана.

— Свинья от свиньи, — с гневом произнес Халид.

— Джинов род, как говорит Батал, — поддержал его Мазан.

Через полчаса Халид ушел к себе.

VI

Утром, еще до раннего чая, Батал подозвал к столу своего внука.

— Прочти-ка, мой мальчик, эту бумагу, я послушаю, что там написано, — сказал он, протянув Харуну исписанный карандашом лист тетрадной бумаги.

Харун с любопытством взял лист и, прочитав первые слова: — «Товарищи колхозники!» — радостно спросил:

— Виктор написал, верно, атай?

— Верно, сынок, Виктор пишет, — ответил старик.

— Опять без меня ходил, — обиженно насупился Харун.

— Мой ребенок, — улыбнулся Батал, — нельзя же каждый раз ходить вдвоем. Ты ведь знаешь, что это может только повредить делу. Ну, читай. Разберешь?

— Конечно разберу, — бодро ответил Харун, забыв обиду, — тут написано, как в книгах печатными буквами. — И он, неторопливо, с расстановкой, начал читать.

¹⁾ Шайтан — чорт.

«Товарищи колхозники! – говорилось в письме, - немецкие гады много кричат о своих победах. Но вы не верьте им. Они врут, как собаки. Красная Армия уже начала изгонять немецких извергов с нашей земли. Под Сталтнградом окружена трёхтысячная армия врага. И на других фронтах тоже бьет фашистов Красная Армия. Враг смертельно ранен. Он истекает кровью. Скоро, скоро, товарищи, немцам конец. Скоро Сталин, Красная Армия освободят вас и вернут вам прежнюю жизнь. Но чем ближе наша победа, тем злее становится враг. Он разрушает наши города и сёла, убивает наших людей, увозит в Германию наше добро. Не давайте врагу делать этого. Не слушайте немцев и их халуев-предателей и изменников Родины. Смерть немецким оккупантам!»

— Хорошо, - сказал Батал, когда Харун закончил читать и, взяв письмо, положил его в карман. – Сколько говорится там окружено фашистских головорезов?

— Триста тысяч, атай, - ответил Харун.

— Триста ты-сяч, - повторил старик, растягивая слова. – Хорошо ли запомнил то, что прочитал?

— Хорошо, - нерешительно ответил внук. – Дай-ка ещё раз почту, - попросил потом он.

— На, читай и запомни каждое слово, - сказал Батал, отдавая письмо.

Через минуту Харун вернул старику бумагу.

— Прочитал? – спросил Батал, принимая от внука лист.

— Прочитал, атай.

— Все запомнил?

— Да.

— Ничего, Харун, не забудешь?

— Нет, не забуду, атай.

— Так. А теперь, мой мальчик, одень свою шубу и сходи к Мазану. Хорошенько расскажи ему все, что написано в бумаге. Понял?

— Понял, атай.

— Смотри, только одному Мазану расскажешь, - предупредил Батал Харуна. – Больше никому пока ни слова.

— Хорошо, - ответил Харун.

— Ну, иди, мой мальчик, в добрый путь. ***

Харун, выполнив поручение своего дедушки, не стал задерживаться у Мазана. Через несколько минут после его ухода Мазан послал своего сына Асхада к Халиду. Халил, выслушав содержание письма Виктора, отослал мальчика назад, а сам направился к Рамазану.

Пусть Халид пока идет к Рамазану, чтобы рассказать ему о чем пишет русский летчик, а мы заглянем в кабинет старосты. Тут сидели Баймурза и два полицейских: Доси и Темей.

Доси с досадой говорил, что он всю ночь провел в сарае Мазана и ничего подозрительного не обнаружил. Хозяин как лег с вечера, до самого утра не подавал и признака жизни.

— Я думаю, что летчик не у Мазана, — заключил Доси свой короткий доклад.

— Ладно, — озлобленно оборвал его Баймурза. — А как у тебя? — обратился потом он к Темею.

— Я тоже ничего не заметил, растерянно и невнятно преи бормотал толстяк.

Староста нахмурил брови и, подозрительно посмотрев на Темея, спросил:

— А ты до утра сидел?

— Да, но...

— Что но?

Темей потупил глаза.

— Ну, что но? — спросил Баймурза, повысив тон.

— В полночь меня обнаружила чортова собака этого Халида, — ответил он, усиленно протирая пальцами правой руки тыльную сторону левой руки. — Поэтому я оставил курятник, вышел на улицу и всю ночь провел под забором...

— Всю ночь под забором, — передразнил его взбешенный староста. — Уметь надо. Значит, говоришь, ничего не заметил? — спросил он, несколько смягчив свой голос.

— Нет, не заметил.

— Ну, ладно. Сейчас идите домой, отдохните, а с ночи опять за дело. Доси, — обратился Баймурза к нему, — ты, значит, пойдешь к Баталу, а ты Темей к Рамазану, у него собаки нет, — поддел он толстяка и сухо засмеялся. — Ну, давайте, идите, — закончил староста и поднялся из-за стола.

VII

Сегодня Батал лег спать раньше обычного. Но сон к старику не приходил. В голове его теснились, быстро сменявшие одна другую мысли, перед закрытыми глазами проносились причудливые фигуры каких-то уродливых существ. Батал кряхтел и беспокойно переворачивался с боку на бок.

Когда тишину предрассветной ночи нарушило разноголосое пение петухов, Батал тихо поднялся и, также тихо одевшись, вышел во двор. Петухи уже затихли. Над головой висело серое облачное небо. Под ногами скрипел Снег, острый мороз неприятно щипал нос и уши. Старик, полусогнувшись, держась за изгородь, прошел вокруг двора, заглянул в хлев, пустой курятник, через низкую калитку посмотрел на улицу и, убедившись, что никого нет, осторожно спустился в погреб.

Через полчаса Батал вышел из погреба и, повесив на дверь замок, вернулся в хату. Харун продолжал мирно спать. Старик осторожно разделся и полез под одеяло...

Когда настало раннее утро и из труб домов потянулись кверху покачивающиеся столбы дыма, Батал поднял Харуна. Мальчик, получив от Батала очередное задание, вышел из хаты. На этот раз он нес слова Сталина, сказанные им в Москве в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Об этом Баталу ночью рассказал Виктор.

Доси вышел из ворот своего дома в ту самую минуту, когда Харун переступил порог хаты Мазана.

Молодой внук Батала с серьезностью взрослого знакомил Мазана с содержанием доклада вождя. А в это время Доси подходил к дому Баймурзы. Через час он вышел от старосты. На лице его блуждала сытая, довольная улыбка.

Закончив свое дело, Харун вышел из хаты Мазана. Вслед за ним вышел и сам хозяин и направился в западную сторону аула. «Сталин, Сталин, - шептал Мазан по пути, - мудрый Сталин, я знал, что ты придешь к нам. Вот сейчас я, старый Мазан, передам твои слова Халиде и Рамазане, а то нехорошо старика обманывать. Он, конечно, сперва надуется, а потом поймет и будет даже рад...»

В то самое время, когда Мазан сидел у Халида и рассказывал ему великую новость, из аула, направляясь на север, выехал на одноконных санях человек...

VIII

Баймурзу Уразалиева принял известный своею жестокостью гестаповец, капитан эсэсовских войск Отто Каузер. Он отвергал пистолет и виселицу, как орудие казни, считая их слишком гуманными средствами смерти. Каузер предпочитал орудовать иголками, каленым железом, пламенем паяльной лампы. Убивать людей надо, как он любил выражаться, «медленной смертью».

- Я вас слушаю, господин Урасалиеф. Так, кашется, ваша фамилие? — сказал с официальной холодностью Каузер, сидевший за массивным столом, заваленным какими-то папками и бумагами.

- Имею хорошую новость, господин капитан, - угодливо доложил Баймурза, сняв шапку и подойдя к столу.

- Да? Садитесь и скажите какой у вас есть новость.

Уразалиев опустил на указанное капитаном кресло.

- Тот летчик, которого вы ищете, — сказал староста заметно волнуясь, — находится в нашем ауле

— Что вы говорите?! — вытаращил глаза немец.

— Да, господин капитан, — ответил Баймурза, довольный произведенным на гестаповца впечатлением.

— Скажите, у кого он есть и как вы могли это уснуть?

— Он сейчас прячется в погребе одного старика...

— Так так... Как фамилие есть этот старик?

— Бектемиров Батал, Батал Бектемиров, господин капитан.

— Пектемироф... Отлично. Дальше.

— Узнал об этом я через одного своего человека. Этот человек по моему указанию ночью спрятался во дворе этого Бектемирова и все выследил: как старик поднялся перед рассветом, как он проверил свой двор и как потом он спустился в свой погреб и там с кем-то тихо разговаривал на русском языке, Слов он не разобрал, но я думаю, что это он разговаривал именно с летчиком, которого вы ищете, — заключил Баймурза и улыбнулся, но у него получилась не улыбка, а что-то похожее на смех изнуренного болезнью человека.

- А может быть, это не есть летчик, а? — высказал сомнение немец.

- Нет, я думаю, что это именно он, — уверил его староста а сам подумал: «в самом деле, что если это не он, что если жадному на деньги Доси, все это только показалось...»

- О, я вижу, что вы большой молотес, - сказал Каузер, нанимаясь из-за стола и довольно потирая ладони. — Если мы поймает этот птица, вас ожидает хороший наград. Это говорит вам офицер германской армии Отто Каузер.

— Спасибо, господин капитан, спасибо, — ответил, раболепно кланяясь, поднявшийся за ним Баймурза.

Каузер взял телефонную трубку.

— Алло! Кто это? Лейтенант Ричке к телефону. Лейтенант Ричке? Говорит капитан Каузер. Немедленно снарядите отряд из десяти солдат с автоматами и одним ручным пулеметом и на машине явитесь ко мне за получением боевого задания. Что? Да, сейчас же. Жду вас через десять минут...О, я офицер германской армии Отто Каузер, - продолжал он, повесив трубку, - и биваю ошшень щедрым, когда имею дело с человеком, который памагайт великой Германия...

Сказав это, Каузер открыл ящик стола и, достав оттуда дешевых сигарет, протянул ее Баймурзе:

— Восьмите, отличный немецкий сигарет, ви их заслушил.

Баймурза по пояс поклонился немцу и, поблагодарив его за щедрость, принял пачку.

- Вы на чем приехала? – спросил потом Каузер.

— На одноконных санях, господин капитан, - ответил староста.

— Через несколько минут мои сольдат поедет ваше село. Ви поедит с ними, а санька пока оставяйт сдесь, - сказал тоном приказа гестаповец.

— С удовольствием, - согласился с готовностью Баймурза.

- Та-ак... Как фамилие есть это, который, э-э-э, который выследил? – спросил вдруг немец.

- Крымов Доси, - последовал ответ старосты.

- Крымоф?

- Кто он есть?

- Полицейским работает

- Отлично. Немецкий власть не забудет этот храбрый слуга Гитлер. Ви ему передайт моя благодарность...

- Хорошо, господин капитан, передам, - ответил Баймурза.

- Как фамилие ви сказал есть это старик?

- Бектемиров Батал.

- Кто он есть?

- Его сын, - начал Баймурза с поспешностью, которая должна была показать капитану, что Баймурза готов безропотно и честно служить господам немцам, - его сын был коммунистом. Он сейчас в Красной Армии. Сам старик до войны был почётным человеком в колхозе. Новые порядки этот старик не любит и ведет себя, как настоящий большевик...

- Хо, какой страшный есть старик, - иронически сморщился Каузер, усаживаясь на свое место.

- Да, да господин капитан, - подтвердил староста, не поняв высокомерно-презрительной шутки самоуверенного гестаповца, - это такой человек.

- Хорошо, хорошо, - усмехнулся немец, - ми посмотрим какой есть большевик этот старик.

Через несколько минут из района на грузовой машине выехал отряд немцев во главе с лейтенантом Ричке, которого сопровождал Баймурза Уразалиев.

IX

Выйдя от Мазана, Харун пошел домой не домой, а направился в ту сторону аула, где находился дом старосты. Он видел, как из калитки Баймурзы, воровски оглядываясь по сторонам, вышел Доси. Харун также видел, как через некоторое время на санях выехал староста и, свернув на север, поехал по дороге, ведущей в район.

Обо всем этом Харун немедленно сообщил Баталу. Старик, выслушав эту тревожную весть, сказал:

- Так и есть, джинов род вселился!

- Что такое, атай?

- Видишь ли, сынок, сегодня ночью кто-то непрошенный был у нас во дворе. За хатой и около курятника есть следы чужих ног.

- Может, атай, это твои же следы, а? — спросил еще с большей тревогой его внук.

- Нет, нет, — покачал старик головой, — я свои следы хорошо знаю.

Сказав это, Батал приказал Харуну никуда не уходить из дому и ждать его, Батала, возвращения, а сам, одевшись, вышел из хаты.

Шел большими хлопьями снег. Улицы были безлюдны. «Ах ты, джинов род, чтоб земля тебя проглотила! Неужели он перехитрил меня, а? Да, да, это следы его ног, чтоб они высохли у него. Но нет, врите, черные вы собаки, Батала не перехитрить вам...» — размышлял Батал, подходя к воротам Мазана.

Не застав Мазана дома, Батал направился к Халиду. Тут он застал и Мазана, и Халида, и Рамазана. Все были очень рады приходу Батала, а Мазан был особенно рад, потому что представился самый подходящий случай сказать старику о Халиде и Рамазане. Ведь он собирался сегодня открыть это Баталу. Сейчас самый подходящий момент рассказать все. Батал все выслушал, не обиделся, не рассердился, а даже с радостью принял сообщение своего соседа. Вслед за этим он стал советовать как отвести несчастье, которое, как поняли все, нависло над русским легчиком. Наконец, они договорились и разошлись по домам.

* * *

Рамазан несколько раз прошел по улицам аула. Он искал случая, чтобы встретиться с Доси или Темеем. Но, как на зло, никто из них не показывался. Итти же прямо к ним домой Рамазан не решался потому, что это нарушало его замысел.

Вот, наконец, в одном из узких переулков аула Рамазан увидел их. Полицейские шли как раз ему навстречу. Рамазан, как ни в чем не бывало, тоже пошел им навстречу.

— Салам алейкум, — сказал Рамазан и, с притворным уважением, пожал им руки.

— Алейкум салам, — ответили те.

— Какая прекрасная погода, — сказал, улыбаясь, Рамазан. Тихо, идет пушистый, мягкий снег. В такую погоду умные люди сидят дома и потягивают водочку, а если еще есть и гармошка, это просто и-и-иех!..

— Да-а, — сказал Темей, почесав в затылке и облизывая свои толстые губы, — не дурную вещь ты говоришь.

— Не мешало бы, конечно, раздавить стаканчик крепкого, — согласился и Доси.

— Ну, что же, друзья, если не возражаете, то с удовольствием предложу вам кое-что, — оказал вдруг Рамазан, лукаво улыбаясь.

— Что? — блеснул глазами Темей.

— Да найдется, — ответил тот.

— А сколько? — спросил Доси.

— Как сколько? Неужели я позволю себе продавать вам водку, — не понял вопроса полицейского Рамазан.

- Фу, ты, не о цене я спрашиваю, а много ли водки у тебя говорю, — пояснил, смеясь, Доси.

- А-а-а! Да, хватит, — неопределенно ответил тот.

- Ну, что пойдём, Доси, - нетерпеливо перебирал ногами Темей.

Доси, как бы решая идти или не идти, повесил голову Баймурза, уезжая в район, строго наказал ему принять все меры к тому, чтобы в ауле никто не догадывался, что летчик выслежен. Отказаться от предложения Рамазана, значит — вызвать в какой-то мере подозрение, тем более что все знали как он, Доси, любил выпить. Размышляя так — он пришел к выводу, что надо пойти к Рамазану.

- Пойдем, Темей, - сказал он и все направились в дом к Рамазану.

Х

Немецкий отряд в аул приехал часа в два дня. Как только машина остановилась перед сельской управой, солдаты поспешили к Баталу. Их вел староста. Немцы торопливо, но без шума, в полной тишине окружили дом Батала, а самого старика повели в управу к лейтенанту Ричке.

В кабинете старосты за столом сидел Ричке. У окна стоял Баймурза. Батал, став напротив гестаповца, невозмутимо спокойно посмотрел на него. У двери вытянулся, вооружённый автоматом, немецкий солдат.

— Как фамилия? — спросил Ричке у Батала.

— Бектемиров Батал Казиевич, — последовал спокойный ответ Батала.

— Бектемиров, м-да... Где летчик? — Вскочив вдруг из-за стола, резко закричал лейтенант.

Старик вместо ответа презрительно усмехнулся.

— Где летчик? — повторил немец.

Батал не ответил.

Лицо гестаповца налилось кровью и он, изменившимся от злобы голосом, прошипел:

— Я спрашиваю, где большевистский летчик?

Тут вмешался Баймурза.

— Не прими, Батал, — сказал он с притворным участием, — из-за какого-то русского летчика горе на свою старую голову.

— Русского, говоришь? — не смог сдержать гнева Батал. — Позор твоему роду, бесстыжая твоя душа!..

— Кому это ты говоришь, старый чорт?! — заорал староста, сделав шаг к Баталу.

— Тебе говорю! Тебе, болотная ты жаба, чтоб гром тебя поразил! Тьфу, джинов ты род!

Староста от злобы и бессилия проглотил слюну и, намереваясь что-то сказать, поднял руку. Но тут вмешался Ричке:

— Замолчите! — крикнул он, ударив кулаком по столу. — Не разрешаю говорить на вашем чертовом тра-ла-ла. Говорите на русском языке, если вы не понимаете немецкого.

— Он коммунист, господин лейтенант! — указал на Батала не знавший, что сказать Баймурза.

— Да? — удивился немец. — Любопытно, любопытно. Верно, старик?

— Пусть нога этого человека не будет здесь! — сказал Батал, показывая рукою на старосту.

— Тогда что? — заинтересовался Ричке.

— Тогда я буду разговаривать с тобой.

Гестаповца осенила мысль, что он наедине сумеет уговорить или заставить старика принять участие в поимке летчика. Каузер ему приказал летчика взять, во что бы то ни стало, живым. Поэтому Ричке с деланной вежливостью обратился к старосте:

— Господин Уразалиев, прошу вас оставьте меня одного со стариком, я думаю, что мы с ним сумеем найти общий язык.

— Слушаю, господин лейтенант, — выдавил из себя Баймурза и, бросив на Батала уничтожающий взгляд, поспешно вышел из кабинета.

Когда солдат, выпроводив старосту, закрыл за ним дверь, вдруг ставший вежливым гестаповец указал Баталу на стул:

— Садитесь!

Батал медленным движением взял стул, также медленно опустившись на него, облокотился на стол. Ричке недовольно заерзал на кресле, но молчал, думая о том, как бы лучше расположить к себе старика.

— Летчик у тебя находится? — спросил немец, когда Батал ожидающе уставился на него.

— Что? — переспросил тот и убрал локти со стола.

— Летчик, спрашиваю, у тебя находится? — сдержанно повторил Ричке свой вопрос.

— Какой летчик?

— Хм... Какой летчик — это ты знаешь.

— Я никакого летчика не знаю.

— Врешь! — закричал гестаповец.

— Я не вру, — спокойно ответил на это Батал.

Ричке побагровел и, ударив кулаком по столу, повторил:

— Где летчик?

— Я ни-ка-кого лет-чика не знаю, — ответил старик, устремив на немца до дерзости спокойный взгляд.

— Понимаю, — сказал немец, нервно вытянувшись из-за стола, — ты коммунист. Мы тебя повесим, повесим и твоего... Кстати, где твой мальчишка?

— Не знаю.

— Как не знаешь?!

— Так, не знаю и все.

— Старосту! — крикнул Ричке, обращаясь к солдату и сел я за свое место.

Зашел Баймурза. Ричке приказал ему привести полицейского Доси. Когда староста ушел исполнять приказание Ричке продолжал:

— Значит, не знаешь, где твой мальчишка? Но ничего, мы найдем его и обоих вас повесим, а дом ваш сожжем...

— На такое дело вы мастера, — ответил, усмехаясь, Батал.

— Но мы можем сохранить тебе и твоему мальчишке жизнь, — сказал Ричке, пропустив мимо ушей язвительный ответ Батала. — Только при условии, если ты поможешь нам поймать летчика. Выслушай, я тебе объясню условия и, если ты их выполнишь, вам обоим будет сохранена жизнь, а имуществу вашему неприкосновенность. Нам ведь известно, что летчик прячется у тебя в погребе.

Батал усмехнулся.

— Да, да, это мы знаем хорошо. Так вот, ты, вместе с моими солдатами спустишься в погреб. Предупредишь летчика, что это ты и спокойно, без всякого шума откроешь дверь, а там солдаты ворвутся в погреб и захватят летчика. Понял? Предупреждаю, что за тобою будет идти с пистолетом наш человек и, если ты чем-либо выдашь наше присутствие, то тут же получишь пулю в затылок. А не согласишься, — Ричке сделал паузу, — мы сегодня же повесим вас, а дом сождем. Ну, как? — нетерпеливо спросил он, закончив свою речь.

Батал, как бы говоря: — «дурак же ты», — искоса посмотрел на немца и, вдруг, нервно поддергивая плечами, заговорил:

— Никакого погреба, никакого летчика, ничего мы не знаем. Если тебе нужен летчик, найди сам, а мне, что хочешь, то и делай.

— Ах, так! — закоичал гестаповец. — Но, старый чорт, ты у меня заговоришь! Я тебя заставлю, я тебя...

Злоба сдавила горло гестаповца и он, рыча, как разъяренный зверь, колотил стол.

В это время постучали в дверь.

— Кто там, узнайте! — крикнул Ричке солдату. Солдат приоткрыл дверь и повернувшись к лейтенанту доложил, что привели полицейского.

— Впустите, — разрешил он.

Зашел староста, а за ним и Доси. Полицейский силился сделать свои шаги твердыми, но ноги ему не подчинялись. Он подошел к столу и молодецкато вытянулся перед немцем.

— Как фамилия? — обратился гестаповец к полицейскому.

— Крымов Доси Умарович, — ответил полицейский.

Доси говорил каким-то невнятным, заплетающимся языком.

Он то и дело облизывал свои сухие, иссиня-бледные губы, безжизненные глаза его выражали тупое безразличие. Ричке заметил, что полицейский пьян. Гестаповец бросил на старосту недобрый взгляд и, едва сдерживая гнев, сказал:

— Ну, Крымов, скажи нам, где прячется большевистский летчик?

— Летчик? А-а-а, летчик? Летчик там, э-э-э, его я, вот я, нашел. Я все могу, я, я...

Полицейский нес всякую бессмыслицу. У Баймурзы душа ушла в пятки. Он съезжился, бледный как мертвец, словно над его головой занесли топор.

— Да, ты пьян, как свинья! — закричал вдруг, поднявшись из-за стола, Ричке. — Сволочь! Связать, немедленно связать его! Живо! — бросил он солдату, дрожа от злобы всем телом.

В кабинет вбежали два солдата и, скрутив полицейскому руки, грубо подталкивая, вывели его в корнер.

— Вон отсюда! — закричал злой Ричке старосте.

Баймурза, глаза которого выражали смертельный страх, озираясь, как загнанный в ловушку зверь, на цыпочках выбежал из кабинета. Весь гнев разъяренного гестаповца обрушился на Батала...

Через час, избитый, весь в кровоподтеках, со спаленной бородой, Батал повел гестаповца Ричке к себе домой, чтобы открыть ему двери погреба.

Батала сопровождали четыре немецких солдата. Один из них шел вплотную прижавшись к старику и приставив к его затылку пистолет.

Батал медленно спустился в погреб и, в душе смеясь над немцами, неторопливо снял замок и, распахнув дверь, упал во внутрь погреба. Следом за стариком, с криком «руки вверх!» ворвались в погреб солдаты. Но их встретило безмолвие. Советского летчика в погребе не было.

Немцы обшарили все дома в ауле. Но Виктора Диденко нигде не нашли. Не нашли они и молодого внука Батала.

Вечером немцы выехали из аула. Они везли с собою связанного Батала.

А что касается советского летчика Виктора Диденко и молодого Харуна, то они по лесным тропинкам, пробираясь к своим, двигались на юг.